

УДК 101.1::316.776

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ В ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКЕ

Э.Б. Миннуллина

Аннотация

В статье показано, что социальное знание формируется в коммуникативном действии и не может существовать до или вне границ дискурсивного пространства, в котором это действие осуществлено. Утверждается, что воздействие на человека накопленным обществом знаний происходит не потому, что они существуют как гипостазированная сфера «третьего мира», а потому, что в речевом акте как артикуляции дискурса реализуется перлокутивное воздействие. Дискурс как спаянность текста и контекста (внеязыковой действительности) представляет собой среду социальных схем и норм.

Ключевые слова: дискурс, коммуникация, речевой акт, перлокутивный акт, концепция «третьего мира», объективное знание, трансцендентальная прагматика.

Проблема статуса знания, объединяющая интересы самых разных научных дисциплин, – одна из наиболее сложных и дискуссионных. Помимо центральной рационалистической концепции объективного знания К. Поппера, на развитие понятия социального знания особое влияние оказали теория социального конструирования П. Бергера и Т. Лукмана [1], социология К. Манхейма [2] и А. Шюца [3]. На объективность концептов социального опыта указывает то, что, во-первых, они являются продуктом деятельности общества, результатом его прошлого опыта, а во-вторых, будучи концентратом социально-познавательной практики, они становятся автономными, регламентирующими, предписывающими действие объектами. Французский социолог П. Бурдьё, который обозначил психологические аспекты сферы знания с помощью понятия «габитус», утверждал, что «он [габитус] обеспечивает активное присутствие прошлого опыта, который, существуя в каждом организме в форме схем восприятия, мышления и действия, более верным способом, чем все формальные правила и все явным образом сформулированные нормы, даёт гарантию тождества и постоянства практик во времени» [4, с. 105]. Вместе с тем сама процедура наполнения сферы знаний остаётся недостаточно изученной. В настоящей статье ставится задача показать, что объективное социальное знание – это не просто возможность однозначного понимания (как у Поппера), но выраженная в действии, повторяющаяся в дискурсивной схематике соотносённость с контекстом.

Известный тезис К. Поппера об объективности «третьего мира», близкий идее объективности мысли Г. Фреге, основан на отделении языка от сознания и речевой деятельности. У Фреге смысл знака существует как память человечества.

И Фреге, и Поппер отказываются от мысли, что фонд знаний является общим только потому, что они передаются в непрекращающемся процессе интересубъективного коммуникативного взаимодействия (так, Поппер стремится «избегать таких терминов, как выражение или сообщение (communication)» [5, с. 157]). Как известно, выдающийся идеолог критического рационализма убеждён, что изменение объективной сферы знаний осуществляется посредством «устранения ошибок» и «сознательной критики» [5, с. 127]. Говоря о том, что влияние проблемной ситуации на область значений происходит через язык, и, более того, утверждая, что сам «третий мир» актуализирован благодаря наличию «высших функций языка» [5, с. 231], Поппер всё же гипостазировывает языковую сферу, то есть он считает, что критика изменяет мир, но в то же время отделяет её от этого мира, превращая язык в абстрактную вневременную структуру: область значений языка (результат критики) находится в отрыве от речи (самой критики, процесса выявления противоречий и предъявления доказательств ошибочности). Но ведь процесс критики – это и есть речевой акт.

Итак, концепция «третьего мира» Поппера индуцируется из эпистемологии без субъекта (без «я знаю»). То, что она имеет отношение к системе Платона, он изначально оговаривает: «Всеми известно, что Платон был первооткрывателем третьего мира» [5, с. 123]. Существуют, правда, принципиальные расхождения между Гиперуранией и сферой знаний Поппера. В первой пребывают аналогии вещей (понятия) – неизменные сущности, имеющие окончательное объяснение; во второй – изменяющиеся суждения без окончательного объяснения, в том числе и ошибочные суждения, и «открытые проблемы, предложения и опровержения» [5, с. 124].

В «Объективном знании» Поппер приводит два примера, которые, по его мнению, подтверждают объективность мира значений. Так, если будут утрачены субъективные знания, то благодаря сохранившимся библиотекам люди смогут их вернуть, но если будет потеряна и теоретическая база, то это сделает возрождение цивилизации невозможным. Библиотека «третьего мира» позволяет восстановить потерянное, что, по словам британского философа, доказывает: знание существует объективно, не просто как текст, но как то, что способно существовать без субъекта: «Знание в объективном смысле есть знание... без субъекта знания» [5, с. 111].

Однако в первом примере есть ещё один элемент – способность обучаться. Об этой познавательной особенности человека Поппер ничего не говорит, но, по сути, это – кантианский субъект, «вид нашего познания предметов» [6, с. 56], способность связывать предмет, мысль и слово, соотносить мысли с предметами. Если бы знание человека объективировалось в тексте, то оно извлекалось бы при любых условиях. Попробуем следовать логике Поппера и предложить третий пример. Допустим, этими библиотеками желают воспользоваться представители другой планеты, существующей в изотропном пространстве, которые не имеют знаковых систем и передают свои «знания» электронным импульсом. Даже если такие существа осознают факт наличия другого знания и откроют для себя существование языков, то соотносить этот «третий мир» с «первым» они не смогут, потому что в их «третьем мире» нет места нашему «первому миру» с нашим контекстом.

Самым важным пунктом концепции Поппера является, на наш взгляд, взаимосвязь объективности знания и его воздействия на человека. «Конечно, необходимо признать, что третий мир... создан человеком. Однако следует подчеркнуть, что этот третий мир существует в значительной степени автономно... и что его воздействие на любого из нас, даже на самых оригинальных творческих мыслителей, в значительной степени превосходит воздействие, которое любой из нас может оказать на него» [5, с. 146]. Иными словами, основной признак объективности знания – его *воздействие* на человека. В этом воздействии, как утверждает Поппер, важнее всего «отношение между нами и результатом» (курсив наш. – Э.М.) [5, с. 146]. Но тогда получается, что, во-первых, объективность *включает* «нас», поскольку состоит с нами в отношении; во-вторых, установление отношения есть действие, причём дискурсивно опосредованное.

Единое знание контекста, представленное как текст, – это необходимый элемент дискурса, который, будучи артикулированным в речевом действии, представляет собой объективно существующий мир. Однако, пока он существует в сознании одного, он субъективен. *Результат воздействия*, обеспечивающий объективность, – это перлокутивный (послеречевой) эффект включённого в дискурс знания о контексте. Он проявляется не только в тех перлокутивных актах, о которых говорил Дж. Остин [7, с. 87]. У Остина послеречевое воздействие связывается непосредственно с использованием глаголов «приказывать», «требовать», «настаивать», свидетельствующих о самом факте воздействия. Очевидно, однако, что в речи маркерами перлокуции могут быть также интонация, жесты и прочее. В русском языке глагол в изъявительном наклонении в форме прошедшего времени («Пошёл и сделал!») может иметь значение приказа и заменять императивную форму («Иди и сделай!»). Перлокутивность может содержаться и в констативных высказываниях: «Там обрыв» (не ходи туда), «Здесь растёт дерево» (давай построим дом в другом месте). Согласно правилам речевой грамматики перлокутивным актом, а не запросом информации является фраза «Не передадите мне соль?», хотя вне контекста и без соответствующей речевой компетенции носитель нерусского языка может ответить: «Не передам!» Объективно существующее значение «встроено» в контекст, с одной стороны, и речевой акт – с другой. Дискурс представляет собой, таким образом, триединство контекста, знания контекста и речевого акта.

В абсурдистской пьесе Д. Хармса «Елизавета Бам» на вопрос героини «Почему я преступница?» Пётр Николаевич отвечает: «Потому что Вы лишены всякого голоса». В контексте пьесы эта последовательность фраз воспринимается как абсурд, как парадокс коммуникации. «Для осуществления коммуникации необходимо, чтобы собеседники имели примерно одинаковую концепцию реальности и чтобы выбор слова одним пробуждал у другого приблизительно те же представления» [8]. Но если перенести содержание диалога в несправедливую ситуацию суда, на котором невиновный оказывается виновен, а преступник – оправдан, потому что у него есть власть и деньги, чтобы себя оправдать, фраза перестаёт быть абсурдной и становится трагичной. В первом случае мы имеем дело с бессмысленным высказыванием, во втором случае – с коммуникативной ситуацией социальной несправедливости и её перлокутивным эффектом.

Таким образом, концепция объективного знания Поппера основана на идее, что *значение* зафиксировано в *языке* (а иначе где же ещё оно может быть закреплено?), но вне конкретного речевого акта. Мы же утверждаем, что решение проблемы статуса сферы значений связано с решением вопроса о степени влияния на объективное значение прагматических характеристик речевого акта: ситуации, действия, фонового знания и других факторов контекста. Если наименования «вечерняя звезда» и «утренняя звезда» имеют разный смысл [9, с. 231], то почему не могут отличаться по смыслу «утренние звёзды», о которых говорят разные люди в разное время в разных странах? В теории лингвистической относительности эта мысль доведена до крайности, и Б. Уорф делает вывод о том, что «реальный мир» в значительной степени бессознательно строится на основании языковых норм данной группы» [10], поэтому соотнести знания носителей различных языков между собой невозможно. То есть попперовский «третий мир» в системе абсолютно разных картин мира Уорфа бесполезен: библиотека теорий не поможет восстановить утерянное знание.

Более того, разрозненно суждения существовать не могут: невозможно передать один лишь смысл без сообщающихся с ним «подпорочных» элементов. Иначе говоря, отдельно взятое знание, выраженное в суждении «0 градусов – температура замерзания воды», связано со знанием международной системы измерения Цельсия, того, что при замерзании вода из жидкости превращается в твёрдое тело и т. д. Поппер справедливо утверждал, что в объективно существующий мир входят не только и не столько понятия, сколько суждения, причём как правильные, так и ошибочные. Конечно, отрицать тот факт, что общество из поколения в поколение передаёт знания, нелепо. Однако вспомним, что Т.С. Кун, называя эти комплексы знаний парадигмой, очень точно указал на то, что они существуют в конкретном сообществе. Д. Эверетт, несколько десятилетий назад открывший для себя и лингвистики язык племени пираха, осознал, что есть общество, представители которого не знают, что такое время, число, чувство вины и обиды, почти не поддаются обучению арифметике.

Знание является частью системы (оно может быть обосновано и внелогическим образом), так же как научная теория является результатом взаимодействия учёных, а не только следствием опыта. Сложно не согласиться с тем, что в континууме знания одна гипотеза представляет собой лишь пункт, вписывающийся в языковую картину и связанный с целым, с имеющейся системой теорий. Кроме того, даже в контексте фаллибилизма гипотезу нельзя просто отбросить в случае противоречия новому факту: система связей гипотез не позволяет этого сделать, если нет достаточного количества противоречащих ей данных. «Но разве нельзя сказать: важно то, что эти рассказы обладают вполне обычной исторической вероятностью, не более того, и именно поэтому их не надо воспринимать как что-то существенное, решающее? С тем, чтобы букву не наделяли большей верой, чем она заслуживает, и сохранял свои права Дух» [11, с. 441]. Отечественный специалист по логике и методологии науки Зинаида Сокулер в курсе лекций о Витгенштейне, говоря о его концепции смежности теорий, или их способности служить «подпорками» друг для друга, приводит следующую цитату из англоязычной работы Витгенштейна «Philosophical remarks»: «Вероятность гипотезы измеряется тем, как много данных требуется для того, чтобы было

предпочтительнее отбросить её. И только в этом смысле мы можем говорить о том, что повторяющийся в прошлом единообразный опыт делает более вероятным продолжение этого единообразия в будущем» [12]. Для Витгенштейна гипотеза сама начинает обосновывать единообразие в той мере, в какой становится правилом формулирования научных знаний. Гипотеза играет роль сдерживающего дискурсивные рамки фактора, который регулирует и направляет исследования и действия.

В какой мере мы можем говорить о связи нашего представления о единообразии и самого принципа единообразия природы? У Витгенштейна он не существует вне действия человека. Однако здесь можно выйти за границы его прагматики и заключить, что дискурсивная (с прочными «подпорочными» смысловыми связями) система знаний представляет собой единый дискурсивный познавательно-деятельностный комплекс. То есть единообразие природы не обосновывается не потому, что это невозможно, а потому, что его раскрытие представляет собой процесс постепенного постижения мира, происходящего в коммуникативном взаимодействии.

Витгенштейн это принятие достоверного вводит в состав языковой игры в качестве регулятивного принципа, после чего оно становится критерием проверки высказываний, таким же как эксперимент, или даже своеобразной системой измерения, вне которой остальные высказывания являются бессмысленными, как если бы, например, мы попытались играть в гольф по правилам игры в фанты. Речь идёт не о том, к чему отсылает слово, а о том, как это слово употребляется. Высказывания должны быть истинны в отношении этих предустановленных правил использования, но рассмотрение вопроса об истинности самих правил высказываний становится бессмысленным. Языковые игры (ими могут являться как логика и система измерений, так и любые непроверяемые утверждения) – это основание системы Витгенштейна, измерить которое средствами самой системы невозможно. Достоверные утверждения становятся правилами не потому, что они отражают действительность, но потому что они проходят проверку в процессе деятельности. При этом картина мира, которая описана с помощью языковых игр, может изменяться, и очевидно, что эта мысль созвучна идее трансцендентальной и универсальной прагматики.

Смысл лингвистического проекта в философии – выявить в практике повседневного языка матрицу правил, которую использует носитель языка (причём речь идёт именно о компетентном говорящем). Как уже было выше сказано, методологически сложно встроить процесс в инвариант: структурная лингвистика отвлекается от речевых вариантов и конструирует «чистый язык», но ведь трансцендентальная прагматика тоже строит чистую коммуникативную оболочку правил коммуникации, которые служат основой реального дискурса. Этому мы можем противопоставить нашу мысль о том, что дискурсивное потенциальное «правило» как субъективное знание контекста становится инвариантом в действии непосредственно в момент речи. Возникает вопрос: не является ли это иначе представленным витгенштейновским правилом словоупотребления? Если у Витгенштейна критерием значения формулы является «способ её постоянного употребления, способ, каким нас обучили ею пользоваться» [13, с. 158], то в нашем случае значение – это соотносённость с ситуацией и контекстом.

Вспоминается здесь удачный термин Поля Рикёра – «идея организма», который он использовал для обозначения идеи конечного порядка дискретных единиц. Но если в структурной лингвистике или том же логическом позитивизме говорение выносилось за скобки и не бралось в расчёт ни как внешний «акт изречения», ни как «индивидуальное исполнение», ни как «свободное комбинирование... осуществление ещё не выговоренных формулировок» [14, с. 141], то в прагматике мы видим обратное: язык теряет вневременную природу, связывающую и стабилизирующую уровень значений. Сам Рикёр предполагает, что это напряжение между структурой и говорением сохраняется и представляет собой антиномическую суть языка: в нём одновременно действует принуждение нормы и свободный дискурсивный выбор (у Рикёра дискурс – это именно субъективное говорение, способ «сказать что-то о чём-то», превращение пустых знаков структуры посредством речи в индивидуально выраженный смысл), имманентность и трансцендентность и т. д. Заметим, что Рикёр говорит о лингвистике середины XX столетия – сегодня наука о языке развивается уже с учётом внесённых (усилиями герменевтики в том числе) корректировок и всё больше обращается к исследованию устной речи. Так, социальная лингвистика нацелена на изучение речевой вариативности.

Сложность состоит в том, чтобы методологически не разделять процесс и структуру. Эту антиномичность, способность языка сочетать противоречивость нормы и варианта, вневременности и событийности отразил в своей лингвистической концепции русский лингвист М.В. Панов. Его теория объясняет факты изменения языка с помощью антиномий «системы и нормы», «кода и текста», «говорящего и слушающего» [15, с. 255]. На определённом этапе развития в языке активизируется одна из тенденций. Например, в противоречии говорящего и слушающего выражено стремление использовать либо упрощённые и сокращённые формы (преобладание речевых предпочтений говорящих), либо полные, которые легче распознать и понять (предпочтение слушающего). Противоречие «кода и текста» заключается в следующем: чем меньше слов в языке (коде), тем больше слов в тексте, поскольку недостающие слова (кодовые знаки) необходимо будет передавать описательно (ср. описательный оборот «брат мужа» и ушедшее из языка слово «деверь»). В работе «О балансе внутренних и внешних зависимостей в развитии языка» М.В. Панов приводит пример смены периода, в котором доминировала экспрессия, этапом преобладания нормы: «Эпоха Петра I – разгул экспрессивной речи; экспрессивна, разумеется, и фонетика. Резкие перебивы церковнославянского и просторечно-русского, высокого и гаерского, интимного и площадного (например, в письмах Петра I). Следующий период – ломоносовский: высокий подъём нормативности. Теория трёх стилей утихомирила речевое буйство и развела по разным текстам, по разным типам речи то, что перед этим соседствовало в одном тексте (в одном устном высказывании)» [16, с. 205].

Говоря о том, что объективное знание существует в коммуникативном обществе, мы утверждаем то, что оно существует как часть его дискурса или интердискурса, то есть единства значений в языке ещё до его использования быть не может. Дискурс артикулируется в акте, соответственно, значение – тоже, однако потенциально оно, конечно, есть в контексте, который объединяет включённых в дискурс индивидуумов. Происходит непрерывный процесс кристаллизации

значения в огромном количестве дискурсивных и интердискурсивных взаимодействий. Чем чаще осуществляется речевая «проверка» значения, тем больше в нём объективности. В контексте информационного общества эти процессы ускоряются.

Исключение дискурсивной составляющей из процедуры формирования значения приводит к отрыву речи от мышления. Так, в основе универсализма одного из наиболее влиятельных интеллектуалов современности Н. Хомского лежит кантианский синтез глубинных форм сознания. Основным вопросом, на который пытается ответить американский лингвист, является факт «несоответствия между языковыми знаниями, имеющимися в уме рядового говорящего, и теми скудными данными, которые были в его распоряжении, когда он усваивал родной язык» [17, с. 7]. Хомский утверждает, что обучение языку происходит в довольно ограниченных условиях, из которых человек не может вынести представление о правильной речи, но, несмотря на это, он овладевает сложной грамматической системой. Эта некогерентность практики и системы наводит Хомского на мысль о наличии врождённой грамматической схемы, которая, однако, вследствие трансформаций, может порождать новые структуры. «Знание языка включает способность приписывать глубинные структуры бесконечному количеству предложений, соотносить эти структуры соответствующим образом и приписывать семантическую интерпретацию парам глубинных и поверхностных структур» [17, с. 41].

Одним из важнейших понятий в его теории является понятие глубинной структуры предложения, порождающей трансформации. «Пётр исполняет медузу» имеет ту же глубинную структуру, что и «Медуза исполняется Петром». Схематично в скобочном представлении оба предложения выглядят одинаково: S[[[Пётр]N]NP[[исполняет]V[[медуза]N]NP]VP], где S и P – это субъект и предикат соответственно, а N и V – имя и глагол. S как подлежащее раскладывается на NP – именную группу – и VP – глагольную группу. Таким образом, составление предложения происходит при наложении поверхностной структуры на абстрактную глубинную структуру. Однако значение предложения определяет именно глубинная структура. Сам Хомский ссылается на определение грамматики Дж.С. Милля: «Это начало анализа мыслительного процесса. Принципы и правила грамматики служат средством, при помощи которого формы языка приводятся в соответствие с универсальными формами мышления. Различия между разными частями речи, между падежами существительных, наклонениями и временами глаголов, функциями причастий являются различиями в мышлении, а не только в словах... Структура каждого предложения – это урок логики» [17, с. 183].

На наш взгляд, идея универсального языка как результата, имеющего инварианты, в контексте речевого порождения становится уязвимой, поскольку этот результат содержит таксономически ограниченное количество единиц (связанных с категориями мышления, например). Действительно, вместе с исключением из языка изменения и событийности устраняется «производство культуры и человека, осуществляемое в процессе производства языка» [14, с. 141]. То, что Гумбольдт назвал процессом деятельности, «жизнью» языка и противопоставил результату, – это не переход системы (или не только переход) от одного

состояния к другому, но порождение речевой деятельности в коммуникативном сообществе и в индивидуальности.

Таким образом, объективные знания существуют только 1) как комплексы связанных между собой значений, 2) в самом речевом действии, 3) в рамках коммуникативного сообщества. Объективное значение может артикулироваться лишь в процессе коммуникации. Образование этих общих смысловых узлов и их закрепление происходит в сфере intersubjectivity. Общее достаётся индивидом в акте речи не из самого языка: сама по себе кодифицированная система языка абстрактна, не самостоятельна. Для того чтобы функционировала сфера значений, выраженная на этом языке, необходимо стремление носителей её использовать. Иными словами, артикуляция знания, его осуществлённость в речевом акте – это и есть свидетельство его объективности.

Summary

E.B. Minnullina. Social Knowledge in Discursive Practice.

The article shows that social knowledge is generated in communicative action and cannot exist prior to or outside the boundaries of the discourse space in which the action is carried out. The impact of accumulated knowledge on human society is explained not by its existence as a hypostatized sphere of the “third world”, but by the fact that the perlocutionary effect is actualized in a speech act as the articulation of a discourse. Discourse as a cohesion between text and context (extra-linguistic reality) is a purview of social patterns and norms.

Keywords: discourse, communication, speech act, perlocutionary act, concept of the “third world”, objective knowledge, transcendental pragmatics.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум: Моск. филос. фонд, 1995. – 323 с.
2. Манхейм К. Избранное. Диагноз нашего времени. – М.: Говорящая книга, 2010. – 744 с.
3. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1055 с.
4. Бурдые П. Практический смысл. – М.; СПб.: Ин-т эксперимент. социологии: Алетейя, 2001. – 562 с.
5. Поннер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 381 с.
6. Кант И. Собр. соч.: в 8 т. – М.: Чоро, 1994. – Т. 3. – 740 с.
7. Остин Дж. Как производить действия при помощи слов // Остин Дж. Избранное. – М.: Идея-Пресс: Дом интеллект. кн., 1999. – С. 15–139.
8. Хамардюк Ю. Сравнительный анализ пьес Э. Ионеско «Лысая певица» и Д. Хармса «Елизавета Бам». – URL: <http://www.d-harms.ru/library/sravnitelnyy-analiz-pjes-lisaya-REVOTSA-i-elizaveta-bam.html>, свободный.
9. Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сб. тр. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 512 с.
10. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку. – URL: <http://philosophy.ru/library/whorf/01.html>, свободный.
11. Витгенштейн Л. Культура и ценность // Витгенштейн Л. Философские работы: в 2 ч. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. I. – С. 407–493.

12. *Сокулер З.А.* Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX в. – URL: http://philosophy.ru/library/witt/sokuler/sokuler_witt.html, свободный
13. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы: в 2 ч. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. I. – С. 75–321.
14. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М.: Академ. Проект, 2008. – 695 с.
15. *Панов М.В.* Труды по общему языкознанию и русскому языку: в 2 т.– М.: Яз. славян. культуры, 2004. – Т. 1. – 568 с.
16. *Панов М.В.* О балансе внутренних и внешних зависимостей в развитии языка // Res Philologica. Филологические исследования: Памяти акад. Г.В. Степанова. – М.; Л.: Наука, 1990. – С. 200–207.
17. *Хомский Н.* Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. – М.: КомКнига, 2005. – 228 с.

Поступила в редакцию
18.11.13

Миннуллина Элина Борисовна – кандидат философских наук, профессор кафедры философии, Казанский государственный энергетический университет, г. Казань, Россия.
E-mail: elinafil@mail.ru